

**Дмитрий Аникеев
(Лесник)**

**Тень на
Блюменштрассе.
Последняя тайна**

Дмитрий Аникеев (Лесник)

**Тень на Блюменштрассе.
Последняя тайна**

«Автор»

2026

Аникеев (Лесник) Д. Р.

Тень на Блюменштрассе. Последняя тайна / Д. Р. Аникеев
(Лесник) — «Автор», 2026

Прошло более тридцати лет после Победы. Казалось, война давно стала историей. Архивы закрыты, свидетели уходят, а многие имена навсегда забыты. Но прошлое неожиданно напоминает о себе. Французский инженер - путеец, приехавший в Москву к матери и профессору Вернеру Плейшнеру, оказывается втянут в расследование, которое соединяет события Великой Отечественной войны, послевоенной Воркуты, Москвы и Франции. Вместе с профессором Плейшнером, доктором технических наук Николаем Андреевичем Арсеньевым, а также офицерами МУРа Глебом Жегловым и Владимиром Шараповым ему предстоит выяснить, кем был человек, которого десятилетиями знали лишь под одним именем - Инженер. Кто создал легенду? Кто присвоил чужое имя? И почему последняя тайна прошлого оказалась самой опасной? «Последняя тайна» - заключительная книга цикла «Тень на Блюменштрассе». Исторический шпионский роман о памяти, ответственности и цене человеческого выбора.

© Аникеев (Лесник) Д. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Аникеев (Лесник) Тень на Блюменштрассе. Последняя тайна

Эпиграф

Избери себе работу по душе, и тебе не придётся работать ни одного дня в своей жизни
- Конфуций

Быть человеком - значит чувствовать свою ответственность
- Антуан де Сент-Экзюпери

ПРОЛОГ

Москва. Ноябрь 1945 года.

Дождь стучал по тёмным окнам Московского уголовного розыска. На втором этаже, в длинном коридоре, тускло горели лампы под зелёными абажурами. За закрытыми дверями один за другим шли допросы. Неделю назад была разгромлена банда, державшая в страхе всю Москву. Газеты уже успели написать о блестящей операции МУРа.

Но для сотрудников отдела работа только начиналась.

В кабинете стоял густой табачный дым. Глеб Жеглов молча перелистывал протоколы. Напротив сидел Владимир Шарапов. На столе лежали несколько уголовных дел, личные карточки задержанных и толстая папка с надписью: «Банда Чёрная кошка».

Жеглов захлопнул очередной протокол.

- Нет, Володя... Не нравится мне всё это.

Шарапов поднял голову.

- Что именно?

- Слишком гладко.

Он постучал пальцем по папке.

- Карп Горбатый - матерый рецидивист. Промокашка - карманник. Копчёный - чердачник. Фокс вообще личность интересная... Только не складывается у меня картинка.

- Думаешь, кто-то врёт?

- Не кто-то.

Жеглов закурил.

- Почти все.

Шарапов взял одну из анкет.

- Биографии проверены.

- Вот именно.

Жеглов усмехнулся.

- Проверены.

Он встал и подошёл к окну.

Во дворе сотрудники конвоя выводили очередного арестованного. Тот шёл, опустив голову.

- Знаешь, что меня смущает?

- Что?

- Некоторые из них словно появились из ниоткуда. До войны - пустота.
Во время войны - тоже почти ничего. А потом вдруг объявились в Москве.
Шарапов задумался. Он тоже обратил внимание на несколько странных анкет.
Будто часть жизни из них просто исчезла.

В дверь постучали. Вошёл дежурный.

- Товарищ капитан, к вам из управления.

Он положил на стол запечатанный пакет.

Жеглов вскрыл его. Внутри лежало несколько машинописных листов. Он быстро пробежал их глазами. Лицо его стало серьёзным. Очень серьёзным.

Шарапов сразу это заметил.

- Что там?

Жеглов молча протянул документы. В самом верху стоял гриф: «Совершенно секретно».

Шарапов начал читать. Это была справка о проверке личности одного из задержанных. Данные, указанные им при аресте, не совпадали с архивными сведениями. Настоящая фамилия была другой. А дальше следовала короткая приписка:

«Имеются основания предполагать пребывание указанного лица на оккупированной территории в период 1942-1944 годов. Обстоятельства требуют дополнительной проверки.»

Шарапов медленно положил лист на стол.

- Значит...

- Значит, - перебил Жеглов, - это уже не только наша работа.

Он несколько секунд молчал. Потом снял телефонную трубку.

- Соедините меня с управлением... Да... Мне нужен профессор Плейшнер. Есть одно дело, в котором без него, кажется, не разобраться...

Глава 1: Профессор Жеглов поднялся из-за стола и широко улыбнулся.- Здравствуйте, профессор.- Здравствуйте, Глеб Георгиевич. Они крепко пожали друг другу руки. Шарапов тоже подошёл навстречу.- Рад видеть Вас, профессор.- И я рад, Владимир. Жеглов усмехнулся.- Сколько лет прошло, а Вы всё такой же пунктуальный.- Привычка, - улыбнулся Плейшнер. - Да и к вам не опаздывают.- После того дела мы с Володиёвым не раз Вас вспоминали. Плейшнер снял пальто.- Надеюсь, на этот раз Вы пригласили меня не для того, чтобы снова изображать Ручечника? Жеглов рассмеялся.- Нет, профессор. На этот раз нам нужен не Ручечник, а историк.

Глава 2. Первый допрос

В соседнем кабинете хлопнула дверь. Конвой ввёл высокого худощавого мужчину лет сорока. Тот огляделся, усмехнулся и спокойно сел на стул.

Следователь положил перед ним папку.

- Фамилия?

- Ты же знаешь.

- Я спросил фамилию.

- Фокс.

- Это кличка.

Задержанный пожал плечами.

- Другой давно не пользуюсь.

Из тесной, наглухо затемненной смотровой каморки за допросом через узкую, затянутую черной марлей щель в фальшстене наблюдали Жеглов, Шарапов и Плейшнер. В самом кабинете следователя эта щель казалась лишь глубоким теневым зазором между книжными шкафами. Жеглов закурил, пряча огонек папиросы в кулак, чтобы отблеск не выдал их присутствия.

- Артист...
- Плейшнер внимательно смотрел на задержанного.
- Уверенный человек.
- Даже слишком, - ответил Шарапов.
- Нет.
- Плейшнер покачал головой.
- Уверенность бывает разной. Этот привык жить под чужими именами.
- Жеглов сразу повернулся к нему.
- Почему Вы так решили?
- Посмотрите, как он отвечает. Ни одного лишнего слова. Ни одного уточнения. Он не боится ошибиться в собственной биографии. Он её заранее выучил.
- Жеглов прищурился.
- Думаете, легенда?
- Пока не знаю. Но привычка скрывать прошлое у него появилась не вчера.
- В этот момент следователь открыл уголовное дело.
- Настоящая фамилия?
- Фокс усмехнулся.
- Я уже сказал.
- Тогда начнём иначе. Где вы находились с июля сорок первого по май сорок пятого года?
- Впервые за всё время лицо Фокса едва заметно изменилось. Лишь на мгновение.
- Но этого мгновения Плейшнеру оказалось достаточно.
- Вот оно...
- Жеглов посмотрел на профессора.
- Что?
- Этот вопрос он не ожидал услышать.
- Шарапов удивился.
- Почему Вы так решили?
- Потому что впервые за весь допрос он задумался не над ответом. Он задумался, какую жизнь сейчас следует вспомнить.
- В кабинете снова наступила тишина.
- Фокс быстро овладел собой.
- Война...
- Он усмехнулся.
- Как и все, выживал.
- Следователь спокойно записал ответ.
- Где именно?
- Там, где люди выживали.
- Адрес.
- Фокс развёл руками.
- Не помню.
- Жеглов тихо выругался.
- Скользкий...
- Плейшнер неожиданно улыбнулся.
- Нет.
- Жеглов удивлённо посмотрел на него.
- Почему?
- Потому что человек может забыть адрес. Но никогда не забудет место, где четыре года спасал собственную жизнь. Он врёт. И очень скоро мы поймём - почему.

Глава 3: Человек без прошлого

Когда дверь за Фоксом закрылась, Жеглов с досадой бросил карандаш на стол.

- Кремень.

Шарапов усмехнулся.

- Не первый и не последний.

- Да я не про это. Видишь, как отвечает? Ни одной зацепки.

Плейшнер аккуратно снял очки и протёр их носовым платком.

- Глеб Георгиевич...

- Да, профессор?

- Уберите пока Фокса.

Жеглов удивлённо поднял брови.

- То есть?

- Он подождёт.

- Почему?

Плейшнер слегка улыбнулся.

- Потому что такие люди редко бывают первыми, кого нужно ломать. Они почти всегда уверены, что выдержат. А вот те, кто рядом...

Он постучал пальцем по лежавшим на столе папкам.

- Покажите остальных.

Жеглов молча придвинул к нему стопку уголовных дел. Карп Горбатый. Промокашка. Копчёный. Несколько рядовых участников банды.

Плейшнер раскладывал папки так, словно перед ним лежали не уголовные дела, а архивные документы.

В кабинете стояла тишина.

Минут через двадцать профессор неожиданно остановился.

- Любопытно...

Шарапов сразу заметил перемену.

- Нашли что-нибудь?

Плейшнер повернул к нему анкету.

- Вот этот человек.

Жеглов заглянул через плечо.

- Копчёный. Ну и что?

- Посмотрите внимательно. В графе место работы до войны указано: разнорабочий. В графе во время войны - временно не работал по состоянию здоровья. А ниже...

Плейшнер положил рядом другой документ.

- Медицинская справка.

Жеглов хмыкнул.

- Грыжа.

- Именно.

Плейшнер кивнул.

- Только подпись врача вызывает у меня большие сомнения.

- Шарапов внимательно посмотрел на документ.

- Поддельная?

- Не исключено.

Жеглов задумчиво прошёлся по кабинету.

- Значит, уклонился от фронта?

- Возможно. Но меня интересует другое.

Плейшнер поднял глаза.

- Если справка фальшивая, значит, был человек, который её выдал. И этот человек до сих пор может быть жив.

Жеглов резко остановился.

- Найдём.

Плейшнер покачал головой.

- Нет, Глеб Георгиевич. Не просто найдём. Мы должны понять, зачем она была нужна. Потому что иногда липовая болезнь скрывает совсем другую биографию.

Жеглов улыбнулся.

- Вот за это я Вас и люблю, профессор. Вы всегда копаете глубже.

Плейшнер спокойно ответил:

- История редко лежит на поверхности.

Глава 4: Первый, кто заговорил

Утро началось с сырого ветра. Во дворе Петровки конвой вывел нескольких задержанных на короткую прогулку.

Жеглов стоял у окна. Молча наблюдал.

- Видите, профессор?

Плейшнер подошёл ближе.

- Что именно?

- Вон тот...

Он едва заметно кивнул в сторону невысокого худощавого парня.

- Промокашка.

Плейшнер внимательно посмотрел вниз.

Промокашка всё время что-то говорил соседу. Размахивал руками. Пытался улыбаться. Но улыбка получалась натянутой.

- Боится, - тихо сказал Плейшнер.

Жеглов довольно усмехнулся.

- Именно. Карп молчит. Фокс думает. А этот боится тишины.

Через полчаса Промокашку ввели в кабинет.

Он старался держаться вызывающе.

- Ну что, начальники... Опять вопросы?

Жеглов спокойно налил себе стакан чая.

- Садись.

Промокашка сел.

- Курить будешь?

Тот удивился.

- Можно?

- Если заслужишь.

Промокашка нервно усмехнулся.

- Это как?

- Очень просто. Начнёшь говорить - получишь папиросу. Не начнёшь - так и будешь слюну глотать.

Промокашка попытался сострить. Но шутка не получилась.

Жеглов неожиданно сменил тему.

- Скажи-ка мне... Ты ведь Фокса давно знаешь?

- Ну... Приходилось встречаться.

- Где?

- В разных местах.

- А до войны?

Промокашка на секунду замер. Совсем ненадолго. Но Плейшнер уже заметил.

- Нет... Не знал.

Жеглов кивнул.

- Верю.

Промокашка облегчённо выдохнул.

И именно в этот момент Жеглов спокойно произнёс:

- Потому что до войны его звали совсем иначе.

Промокашка резко поднял голову. Он ничего не сказал. Но глаза выдали всё.

Плейшнер медленно снял очки.

Жеглов улыбнулся уголком губ.

- Спасибо. Этого достаточно.

- Чего достаточно?

- Ты только что подтвердил, что знаешь больше, чем хотел рассказать.

Промокашка побледнел. Он понял, что попался. Конвой увёл его.

В кабинете наступила тишина.

Шарапов первым нарушил молчание.

- Но ведь мы и сами не знаем настоящей фамилии Фокса.

Жеглов рассмеялся.

- Конечно, не знаем.

Плейшнер тоже улыбнулся.

- Иногда, Владимир, следователю достаточно сделать вид, что он знает больше подозреваемого.

Жеглов хлопнул ладонью по столу.

- Вот за это, профессор, я Вас и уважаю. Вы понимаете психологию не хуже любого сыщика.

Плейшнер покачал головой.

- Нет. Я просто всю жизнь изучал людей. А документы... они лишь подтверждают то, что человек давно написал своим поведением.

Глава 5: Старое дело

После допроса Промокашки Жеглов долго молчал. Он стоял у окна, курил уже третью папиросу подряд и смотрел на мокрый двор Петровки.

Шарапов перелистывал протокол.

- Что скажешь?

- Пока ничего.

Жеглов затушил окурок.

- Кроме одного.

- Какого?

- Кто-то очень старательно учил их забывать своё прошлое.

Плейшнер поднял голову.

- Именно учил.

Жеглов удивлённо посмотрел на профессора.

- Вы тоже так считаете?

- Безусловно.

Плейшнер придвинул к себе несколько анкет.

- Посмотрите сами. У одного исчезли четыре года жизни. У другого неожиданно появилась справка о болезни. Третий сменил фамилию. По отдельности это случайности. Но вместе...

Он положил ладонь на папку.

- Это уже система.

Шарапов задумчиво кивнул.

- Значит, кто-то помогал им начать новую жизнь?

- Или скрыть старую, - спокойно ответил Плейшнер.

В дверь постучали. Вошёл дежурный.

- Товарищ капитан, Вас срочно вызывает генерал.

Жеглов быстро поднялся.

- Профессор, Вы пока никуда не уходите.

Через двадцать минут он вернулся. Лицо его было непривычно серьёзным. Он молча закрыл дверь кабинета.

Потом достал из портфеля тонкую серую папку. Без надписей. Без номеров. Только сургучная печать.

- Что это? - спросил Шарапов.

Жеглов осторожно положил папку на стол.

- Старое дело.

- Чьё?

- Пока не знаю. Мне приказали передать его только профессору.

Плейшнер удивился.

- Мне?

- Да. И ещё просили передать одну фразу.

- Какую?

Жеглов посмотрел ему прямо в глаза.

- Если в документах встретится название Блюменштрассе, немедленно сообщите.

В кабинете стало тихо.

Плейшнер медленно побледнел. Впервые за всё время расследования он потерял самообладание.

Он осторожно коснулся папки. Будто прикоснулся к собственному прошлому.

- Значит...

- Что значит? - тихо спросил Шарапов.

Профессор несколько секунд молчал. Потом очень спокойно ответил:

- Значит, война ещё не закончилась.

Глава 6: Папка без номера

Плейшнер долго не решался открыть папку. Жеглов молча наблюдал. За все годы знакомства он впервые видел профессора таким. Не испуганным. Скорее... Растерянным.

- Открывайте, профессор, - негромко сказал Шарапов.

Плейшнер кивнул. Сургуч легко треснул под лезвием небольшого перочинного ножа. Внутри лежали несколько пожелтевших документов. Фотография. Две машинописные справки. И тонкий конверт.

Профессор осторожно взял фотографию. На ней был запечатлён трехэтажный дом. Аккуратный. С балконом, увитым плющом. Под снимком карандашом было выведено одно слово: «Блюменштрассе».

Плейшнер невольно закрыл глаза. Перед ним словно снова возник Берн. Весна сорок пятого. Тревожные лица. Шёпот. Конспиративные встречи. Люди, которых уже давно нет в живых.

- Вы знаете этот дом? - тихо спросил Шарапов.

- Да.

Ответ прозвучал почти шёпотом.

Жеглов ничего не сказал. Он понимал, что сейчас лучше не торопить.

Плейшнер медленно развернул первую справку. Это была копия немецкого документа. Несколько фамилий были зачёркнуты красным карандашом. Возле одной стоял вопросительный знак.

Профессор нахмурился.

- Странно...

- Что именно?

- Этого человека не должно быть.

Жеглов сразу насторожился.

- Почему?

- Потому что по нашим сведениям он погиб ещё в сорок пятом.

Шарапов придвинулся ближе.

- Ошибка?

Плейшнер покачал головой.

- Нет. Слишком много совпадений.

Он быстро просмотрел остальные листы. Вдруг из конверта выпал небольшой клочок бумаги. Пожелтевший. С неровно оборванными краями. На нём было всего несколько слов, написанных по-немецки.

Плейшнер прочитал их и долго молчал.

- Что там? - не выдержал Жеглов.

Профессор медленно перевёл взгляд на друзей.

- Здесь написано...

Он сделал небольшую паузу.

- «Архив не уничтожен».

В кабинете стало так тихо, что было слышно, как за окном падают тяжёлые капли дождя.

Жеглов первым нарушил молчание.

- Какой архив?

Плейшнер медленно сложил листок обратно в конверт.

- Не знаю. Но если эта записка настоящая...

Он посмотрел сначала на Жеглова, потом на Шарапова.

- Значит, кто-то пережил войну. И очень долго ждал своего часа.

Глава 7: Костя Кирпич

Костю Сапрыкина ввели в кабинет ближе к вечеру. Он заметно изменился.

Исчезла прежняя развязность. Лицо осунулось, но в глазах по-прежнему поблёскивали лукавые искорки.

Увидев Жеглова, он невольно усмехнулся.

- Здравсте, гразданин насяльник... Давненько не виделись.

Жеглов улыбнулся краешком губ.

- Здравствуй, Костя. Проходи, садись.

Кирпич насторожился.

- А се это вы такие добрые сегодня?

- Чай будешь?

Кирпич даже растерялся.

- Буду...

Шарапов молча налил ему крепкого чаю и поставил стакан на стол.

Некоторое время в кабинете никто не говорил.

Кирпич осторожно прихлёбывал горячий чай. Потом посмотрел на Жеглова.

- Вы меня не за старое притянули?

- Нет.

- Тогда за сто?

Жеглов закурил.

- Поговорить.

- И только?

- И только.

Кирпич недоверчиво покачал головой.

- Не верю я, гражданин насяльник, сто в МУРе просто так разговаривают...

Жеглов усмехнулся.

- А ты попробуй.

Несколько минут прошли в молчании.

Потом Шарапов спокойно спросил:

- После освобождения где работал?

Кирпич пожал плечами.

- В артели. Жестянщиком. Руки-то у меня всегда золотые были. Это башка раньше дурная была...

Жеглов взглянул на него.

- Помню. Ещё тогда понял.

Кирпич удивился.

- Правда?

- Правда. Если бы не твои дружки, давно бы человеком стал.

Кирпич впервые за разговор серьёзно опустил глаза.

- Мозет... и стал бы...

Шарапов перевёл разговор.

- Фокса помнишь?

Кирпич сразу насторожился.

- Помню. Странный был мужик.

- Чем странный?

- Молчаливый. Про войну никогда не рассказывал. Вообще. Будто её и не было.

Жеглов сделал вид, что это его не особенно заинтересовало.

- Дальше.

Кирпич почесал затылок.

- Один раз только... По пьянке. Он чего-то по-немецки пробормотал.

Я ему говорю: Фокс, ты сто, по-ихнему шпаришь? А он как посмотрит... У меня аж мороз по спине. Потом засмеялся. Говорит: Тебе слышалось. И больше никогда ни одного немецкого слова при мне не сказал.

Плейшнер внимательно слушал. Не перебивая.

Жеглов спокойно спросил:

- А ещё что-нибудь необычное замечал?

Кирпич задумался.

- Было... Он никогда не любил тех, кто во время войны с немцами якшался. Один раз в пивной один хвастал, сто при оккупантах хорошо жил. Фокс молча подошёл... Да так его отдал... Еле оттащили.

Жеглов переглянулся с Шараповым.

- Интересно...

- Очень, - тихо сказал Плейшнер.

Кирпич допил чай.

Потом неожиданно спросил:

- Гразданин насыльник... А меня ведь не за это вызвали?

Жеглов покачал головой.

- Нет, Костя. Ты нам помог.

Кирпич поднялся. У самой двери он остановился.

- Можно сказать?

- Говори.

- Я вор был... За это своё получил. Но Родину продавать... Это уже не по-людски. Даже у нашего брата за такое уважения никогда не было.

Жеглов долго смотрел ему вслед.

Когда дверь закрылась, он негромко произнёс:

- А ведь действительно меняется человек...

Шарапов кивнул.

- Не всех тюрьма ломает. Некоторых она заставляет задуматься.

Плейшнер снял очки.

- Самые ценные показания иногда дают не свидетели... А люди, которые однажды сами ошиблись и поняли цену этой ошибки.

Глава 8: Очная ставка

- Фокса ко мне.

Через несколько минут дверь открылась. Конвой ввёл Фокса. Тот спокойно оглядел кабинет. Жеглов сидел за столом. Шарапов стоял у окна. Плейшнер листал какие-то документы, будто вообще не обращая внимания на происходящее.

Фокс усмехнулся.

- Опять вопросы?

- Конечно.

Жеглов указал на стул.

- Присаживайся.

Фокс сел.

Жеглов не спешил. Закурил. Открыл папку.

Потом неожиданно спросил:

- Австрию любишь?

Фокс даже не моргнул.

- Никогда не был.

- Правда?

- Правда.

Жеглов молча перевернул страницу.

- А Вену?

- Тоже.

- Интересно...

Он поднял голову.

- Потому что один человек утверждает обратное.

Фокс пожал плечами.

- Мало ли что люди болтают.

Жеглов внимательно смотрел ему в глаза.

- Конечно. Особенно перед расстрелом.

В кабинете стало тихо.

На лице Фокса ничего не изменилось. Но Плейшнер заметил, как едва заметно напряглись пальцы его правой руки. Очень ненадолго. Всего на секунду.

Жеглов тоже это увидел. Он продолжал спокойно листать бумаги.

- Знаешь... Я вот всё думаю... Почему человек может забыть своё имя... Сменить фамилию... Соврать про войну... Но никогда не забывает язык, который однажды выучил.

Фокс молчал.

Жеглов неожиданно закрыл папку.

- Профессор...

- Плейшнер поднял голову.

- Да?

- Будьте любезны... Скажите по-немецки... Добрый вечер.

Плейшнер спокойно произнёс:

- Guten Abend.

Фокс даже не повернул головы. Но его глаза... На одно мгновение в них мелькнуло узнавание.

Именно этого мгновения Плейшнер и ждал.

Жеглов негромко сказал:

- Спасибо, профессор. Большого нам пока не нужно.

Конвой увёл Фокса.

Когда дверь закрылась, Шарапов спросил:

- Вы уверены?

Плейшнер покачал головой.

- Нет.

Но теперь я уверен в другом.

- В чём?

- Немецкий язык для него не чужой. И он очень боится это показать.

Жеглов подошёл к окну.

- Значит... Будем искать того, кто научил его молчать.

Глава 9: Архивная пыль

На следующий день Плейшнер приехал в Центральный государственный архив. Старое здание встретило его привычным запахом бумаги, картона и пыли.

Архивариус, седой мужчина в круглых очках, приветливо улыбнулся.

- Давненько вы у нас не были, профессор.

- Работа не отпускала.

- А теперь, вижу, опять понадобились старые бумаги?

Плейшнер улыбнулся.

- Иногда они говорят больше, чем живые люди.

Через несколько минут на стол легли несколько тяжёлых описей.

Профессор работал молча. Он не спешил. Лист за листом. Карточка за карточкой. Иногда делал короткие записи в блокноте. К вечеру перед ним лежали три папки. Все они касались советской оккупационной зоны Австрии. Именно той самой, о которой говорил документ, найденный у Жеглова.

Плейшнер осторожно открыл первую. Ничего. Во второй тоже не оказалось ничего необычного. Зато третья заставила его замереть. В списке лиц, прошедших проверку и направленных в Советский Союз, одна фамилия была аккуратно зачёркнута синими чернилами. Рядом стояла пометка: «Личность установлена позднее». Без подписи. Без даты.

Профессор нахмурился. Такие записи просто так не появлялись. Он попросил принести журнал регистрации.

Архивариус развёл руками.

- Его нет.

- Как нет?

- Несколько месяцев назад его затребовали.

- Кто?

- Не знаю. Расписались только за получение.

Плейшнер задумался.

- И не вернули?

- До сих пор.

Профессор медленно закрыл папку.

Это был первый случай за много лет, когда архивный документ словно оборвался на полуслове.

Он посмотрел в окно. Снег уже перестал идти. Но чувство тревоги только усилилось. Кто-то до него уже искал именно эти материалы. И этот человек прекрасно понимал, что делает.

Глава 10: Старый знакомый

Утром Плейшнеру позвонили.

- Профессор?

- Да.

- Просим вас прибыть сегодня к одиннадцати часам.

Назвали адрес. Никаких объяснений. Плейшнер спокойно положил трубку. Через час он уже входил в неприметное серое здание. Дежурный молча проверил документы. Позвонил кому-то.

Через минуту появился молодой капитан.

- Прошу за мной.

Они долго шли по пустым коридорам. Наконец капитан остановился возле массивной двери.

Негромко постучал.

- Разрешите?

Из кабинета донеслось спокойное:

- Войдите.

Капитан открыл дверь.

- Профессор Плейшнер прибыл.

- Благодарю. Вы свободны.

Капитан вышел.

Плейшнер сделал несколько шагов.

За большим письменным столом сидел человек в штатском. Он что-то писал, не поднимая головы. Потом аккуратно закрыл папку. Снял очки. Поднялся. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Плейшнер тихо произнёс:

- Максим Максимович...

Человек улыбнулся.

- Здравствуйте, профессор.

Они крепко пожали друг другу руки. Ни один не произнёс лишнего слова. Слишком многое осталось позади. И слишком многое нельзя было произносить вслух.

Первым заговорил Исаев.

- Рад видеть Вас. Честно говоря, не был уверен, что судьба ещё сведёт нас.
Плейшнер слегка улыбнулся.

- После Берна я вообще перестал что-либо загадывать.
Исаев пригласил его сесть. Некоторое время они молчали.
Потом Исаев налил чай в два гранёных стакана.

- Помните Блюменштрассе?
Плейшнер посмотрел на него долгим взглядом.

- Такое не забывают.
- Я надеялся услышать именно этот ответ.

Он достал из сейфа тонкую папку. Точно такую же, какую несколько дней назад видел Жеглов.

- Мы получили сведения, что часть документов, считавшихся уничтоженными весной сорок пятого года, всё-таки сохранилась.

Плейшнер медленно покачал головой.

- Не может быть...

- Я тоже так думал. Но информация поступила сразу из нескольких источников. И все они указывают на одно и то же место.

- Где?

Исаев помолчал. Потом тихо ответил:

- Пока не знаю. Но знаю другое. Если архив действительно существует, найдутся люди, которые готовы убивать ради него.

Плейшнер тяжело вздохнул.

- Значит, прошлое снова догнало нас...

Исаев посмотрел в окно.

- Оно никогда от нас не уходило, профессор. Мы просто научились жить так, словно его нет.

В кабинете повисла тишина. Потом Исаев неожиданно спросил:

- Вы ведь работаете сейчас с Жегловым?

- Да.

- Передайте ему... Он хороший следователь. Такие люди всегда нужны стране.

Плейшнер улыбнулся.

- Передам.

Исаев тоже едва заметно улыбнулся.

- А ещё передайте, что на этот раз преступники опаснее обычных бандитов. Они умеют ждать. Иногда по сорок лет.

Глава 11: Липовая грыжа

Когда Плейшнер вошёл в кабинет, Жеглов сразу понял: разговор был серьёзный.

- Ну что, профессор?

Плейшнер снял пальто.

- Пока могу сказать только одно.

Жеглов вопросительно посмотрел на него.

- Мы идём правильной дорогой.

Шарапов улыбнулся.

- Это уже немало.

Плейшнер сел за стол.

- А как наши дела?

Жеглов открыл очередную папку.

- Нашли врача.

- Какого?

- Того самого, который в сорок втором году выдал Копчёному справку о грыже.

Плейшнер поднял голову.

- Жив?

- Жив. Правда, теперь уже на пенсии. Работает понемногу консультантом. Зовут Семён Аркадьевич Левин. Живёт в Москве.

Шарапов добавил:

- Вызвали на завтра.

Плейшнер задумался.

- Нет. Поедем сами.

Жеглов удивился.

- Почему?

- Потому что дома человек говорит иначе, чем в кабинете следователя.

Жеглов усмехнулся.

- Опять ваша профессорская психология?

- Нет. Жизненный опыт.

На следующий день они приехали в старый московский двор.

Дверь открыл пожилой человек. Аккуратно выбритый. В домашних тапочках.

Он сразу заметил удостоверения. И заметно побледнел.

- Проходите...

Квартира была небольшая. Всюду книги. На стенах фотографии.

Жеглов оглядел комнату.

- Хорошо живёте.

Врач устало улыбнулся.

- Работал всю жизнь.

Шарапов достал папку.

- Семён Аркадьевич...Помните пациента Валентина Бисяева?

Врач нахмурился.

- Бисяева... Нет... Не припоминаю.

Плейшнер спокойно подошёл к книжному шкафу. Взял в руки фотографию. На ней молодой военный врач стоял рядом с санитарным поездом.

- Хорошая фотография.

- Сорок третий год...

- Значит, память у Вас хорошая.

Врач посмотрел на него.

Плейшнер продолжил:

- Тогда почему Вы забыли человека, которому выдали справку, спасшую его от фронта?

Врач медленно опустился на стул. Долго молчал. Потом тихо произнёс:

- Потому что это была моя самая большая ошибка.

Жеглов мгновенно насторожился.

- Значит, справка была липовой?

Врач закрыл лицо руками.

- Да... Но я не знал, чем всё закончится. Мне сказали... Что парень тяжело болен. Что его всё равно комиссуют. Я поверил. Потом узнал... Что он исчез. И больше никогда его не видел.

Плейшнер внимательно смотрел на врача.

- Кто Вас попросил?

Врач медлил. Очень долго. Наконец тихо ответил:

- Не он... Другой человек.

Жеглов подался вперёд.

- Кто?

Врач поднял глаза.

- Я не знаю его настоящей фамилии. Все называли его... Инженер.

В кабинете повисла тишина.

Плейшнер медленно повторил:

- Инженер...

Жеглов нахмурился.

- Кличка?

- Думаю, да.

Врач кивнул.

- Он говорил очень спокойно. Без угроз. Но почему-то отказаться я не смог. А потом... Он исчез. Будто его никогда не существовало.

Глава 12: Имя, которого не было

После возвращения от врача никто не спешил расходиться.

В кабинете Жеглова было тихо. Шарапов ещё раз перечитал протокол.

- Инженер... Слишком уж удобная кличка.

Жеглов кивнул.

- Именно поэтому мне она не нравится.

Плейшнер задумчиво вертел в руках карандаш.

- А мне... Нравится.

Оба удивлённо посмотрели на него.

- Почему?

Профессор снял очки.

- Потому что это не уголовная кличка.

Жеглов прищурился.

- То есть?

- В уголовном мире прозвища рождаются сами собой. По внешности. По привычкам. По профессии. Фокс. Промокашка. Кирпич. Копчёный. А Инженер... Он словно сам выбрал себе это имя.

Шарапов задумался.

- Хотел казаться обычным человеком?

- Скорее... Не хотел, чтобы запомнили настоящее имя.

Жеглов резко поднялся.

- Значит, будем искать инженеров?

Плейшнер покачал головой.

- Нет. Будем искать человека, который никогда не был инженером.

Жеглов улыбнулся.

- Опять загадками говорите?

- Нет. Логикой. Если бы он действительно был инженером, никто не стал бы делать из профессии тайну.

Шарапов задумчиво произнёс:

- Значит, это маска.

- Именно.

В этот момент в дверь постучали. Дежурный положил на стол телеграмму. Жеглов быстро пробежал её глазами. Лицо его стало серьёзным.

- Пришёл ответ из Воркуты.

Плейшнер сразу насторожился.

- Что пишут?

Жеглов протянул телеграмму.

В ней было всего несколько строк:

Подтверждаем. Среди бывших заключённых, прибывших в сорок шестом году, находились двое, подозревавшихся в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями. Оба после освобождения исчезли. Один пользовался кличкой Инженер.

В кабинете стало тихо.

Шарапов первым нарушил молчание.

- Значит, след всё-таки тянется из Воркуты...

Плейшнер медленно сложил телеграмму. Перед глазами снова возникли снежные бараки лагеря. Измождённые лица. Долгие разговоры по вечерам. И один человек... Который почти никогда не рассказывал о себе. Тогда профессор не придал этому значения. Теперь же память вдруг подсказала одну деталь. Тот человек никогда не говорил о фронте.

Плейшнер тихо произнёс:

- Кажется... Я начинаю вспоминать.

Жеглов сразу повернулся к нему.

- Что именно?

Профессор долго молчал. Потом ответил:

- Возможно, мы ищем не того, кто воевал. А того, кто во время войны обеспечивал других документами и маршрутами. Если это так... То перед нами человек, который привык жить под чужими именами. И именно поэтому его до сих пор никто не смог найти.

Глава 13: Тень из Воркуты

На следующее утро Плейшнер приехал на Петровку раньше остальных.

Жеглов уже был в кабинете. Он стоял у карты Советского Союза, приколотой к стене.

- Доброе утро, профессор.

- Доброе.

Через несколько минут вошёл Шарапов. В руках он держал тонкую папку.

- Ответ из Воркуты пришёл полностью.

Жеглов жестом предложил ему продолжать.

- Подтвердилось, что в одном из лагерных отделений действительно содержались двое бывших пособников оккупантов. После освобождения их следы потерялись.

Плейшнер внимательно слушал.

- Имена?

- Один проходил под фамилией Климов. Но проверка показала, что документы поддельные.

- Второй?

- Второй умер в лагере от воспаления лёгких.

Плейшнер задумался.

- Или считался умершим...

Жеглов внимательно посмотрел на профессора.

- Думаете, смерть могли инсценировать?

- Я ничего не утверждаю. Но за годы войны и после неё мне приходилось видеть, как люди исчезали не только при жизни, но и после смерти.

Шарапов открыл ещё один лист.

- Есть одна любопытная деталь. Во время разгрузки трофейного имущества заключённые перебирали старое железнодорожное оборудование, доставленное из Германии. Один из них машинально прочитал по-немецки надпись на чугунной станционной табличке. После этого сразу замолчал и сделал вид, будто ничего не произошло.

Плейшнер медленно поднял голову.

- Теперь вспомнил...

Жеглов насторожился.

- Вы были свидетелем?

- Да. Тогда я не придавал этому значения. Мне показалось, что человек просто знает язык.

Но сейчас...

Он сделал паузу.

- Сейчас я понимаю, что он произнёс название станции так, как это мог сделать только человек, долго проживший в Германии.

В кабинете наступило молчание.

Жеглов медленно прошёлся по комнате.

- Значит, наш Инженер мог пройти через Воркуту.

Плейшнер покачал головой.

- Не обязательно. Но кто-то из тех людей наверняка знал его.

Шарапов посмотрел на список бывших заключённых.

- Тогда придётся искать всех, кто работал с ними в одном лагере.

Жеглов усмехнулся.

- Работа предстоит немалая.

В этот момент зазвонил телефон. Жеглов снял трубку.

- Слушаю.

Несколько секунд он молчал. Потом коротко ответил:

- Понял. Сейчас будем.

Он положил трубку и посмотрел на товарищей.

- Только что задержали Копчёного. Говорит, что готов рассказать всё. Но только при одном условии.

- Каком? - спросил Шарапов.

Жеглов усмехнулся.

- Требуется, чтобы на допросе присутствовал профессор Плейшнер.

Плейшнер удивился.

- Я?

- Именно Вы. И, признаться, мне очень интересно узнать, зачем уголовнику понадобился профессор-историк.

Глава 14: Разговор с Копчёным

Копчёного привели под вечер. Он вошёл в кабинет медленно. Огляделся. Увидел Жеглова. Шарапова. И остановил взгляд на Плейшнере.

Несколько секунд молчал. Потом тихо спросил:

- Это Вы профессор?

- Да.

- Тогда разговор будет.

Жеглов уселся за стол.

- Ну, начинай.

Копчёный усмехнулся.

- Не люблю я Вас, гражданин начальник.

Жеглов спокойно закурил.

- Это взаимно. Говори по делу.

Копчёный перевёл взгляд на Плейшнера.

- Я про войну ничего не знаю. И немцев не любил. Но один человек всё время говорил:

Настоящие деньги лежат не в карманах...

Плейшнер внимательно слушал.

- ...а в бумагах.

В кабинете стало тихо. Жеглов перестал писать.

Шарапов поднял голову.

- Кто говорил?

- Один мужик. Никто его толком не знал. Появлялся редко. Всегда в хорошем костюме.

Разговаривал спокойно. Без фени. Будто не с уголовниками вырос.

Плейшнер негромко спросил:

- Как его называли?

- По-разному. Кто Инженером. Кто Доктором. А некоторые вообще по имени не звали.

Жеглов нахмурился.

- Почему?

- Потому что боялись. Он никогда не повышал голос. Но после разговора с ним люди почему-то делали всё, что он говорил.

Шарапов записывал каждое слово.

- Он работал с Чёрной кошкой?

Копчёный покачал головой.

- Нет. Он был выше. Карп его уважал. Даже побаивался.

Жеглов переглянулся с Плейшнером. Это было уже серьёзно.

- Ты его видел часто?

- - Раз а три. Не больше. Но один разговор запомнил.

Плейшнер слегка подался вперёд.

- Какой?

Копчёный прикрыл глаза, словно стараясь вспомнить.

- Он сказал Карпу: Не торопись. Придёт время, и люди сами будут искать то, что сегодня никому не нужно. Карп тогда засмеялся. Спросил: А если не дождусь? Тот ответил спокойно: Дождёшься. История умеет ждать.

Плейшнер невольно вздрогнул. Эти слова показались ему странно знакомыми. Будто он уже слышал их когда-то. Но где? Он никак не мог вспомнить.

Жеглов заметил его реакцию.

- Что-то вспомнили?

Профессор медленно покачал головой.

- Пока нет. Но чувствую... Что эта фраза пришла не из уголовного мира.

Копчёный продолжил:

- Ещё он всегда носил хорошие перчатки. Даже летом.

Жеглов удивился.

- Перчатки?

- Ага. Тонкие. Кожаные. И никогда их не снимал.

Шарапов задумчиво посмотрел на Плейшнера.

- Странная привычка.

Плейшнер тихо ответил:

- Иногда люди прячут не лицо. А руки. Потому что руки могут рассказать о человеке больше, чем документы.

Жеглов поднялся.

- Спасибо, Копчёный. Сегодня ты сказал больше, чем сам понимаешь.

Конвой увёл арестованного.

Когда дверь закрылась, Жеглов долго ходил по кабинету. Потом остановился.

- Значит, где-то рядом с Чёрной кошкой всё это время существовал ещё один человек. Не вор. Не налётчик. Не убийца.

Шарапов закончил запись.

- Человек, который думал на десятилетия вперёд.

Плейшнер подошёл к окну. За стеклом медленно кружился первый снег.

Он вдруг тихо произнёс:

- Самые опасные люди... Это те, кто умеет ждать. И почему-то именно сегодня мне кажется, что мы ещё не знаем его настоящего имени.

Глава 15: Записная книжка

На следующее утро Жеглов вошёл в кабинет раньше обычного. На его столе лежал небольшой бумажный пакет.

Шарапов уже был на месте.

- Что это?

Жеглов развернул упаковку. Внутри оказалась старая записная книжка в потёртом кожаном переплёте.

- Нашли при повторном обыске квартиры Фокса.

Плейшнер осторожно взял её в руки. Листы пожелтели от времени. Большинство страниц были пустыми. Лишь в самом конце карандашом были записаны несколько фамилий. И цифры.

Жеглов нахмурился.

- Ни адресов. Ни телефонов. Одни фамилии.

Плейшнер медленно перелистал книжку. Остановился. Поднёс её ближе к свету.

Потом неожиданно сказал:

- Здесь что-то было.

Шарапов удивился.

- Где?

- Вот на этой странице. Карандаш стёрли. Но не до конца.

Жеглов внимательно посмотрел.

- Я ничего не вижу.

Плейшнер улыбнулся.

- Потому что смотреть надо не прямо.

Он слегка наклонил лист. На бумаге проступили слабые вдавленные линии.

Будто когда-то поверх этого листа писали на другом.

Шарапов тоже наклонился.

- Кажется... Есть буквы.

Жеглов сразу вызвал криминалиста.

Через час специалист осторожно осмотрел книжку.

- Если не торопиться... Можно восстановить часть записи.

Плейшнер кивнул.

- Делайте.

К вечеру удалось разобрать несколько слов. Берлин. Склад. Ноябрь.

И ещё одно слово. От которого Плейшнер медленно снял очки. - Блюменштрассе...
В кабинете стало тихо.

Жеглов первым нарушил молчание.

- Совпадение?

Плейшнер медленно покачал головой.

- После всего, что мы уже нашли... Я перестал верить в совпадения.

Шарапов задумчиво посмотрел на восстановленную запись.

- Но почему это оказалось у Фокса?

Плейшнер закрыл записную книжку.

- Скорее всего... Он сам не понимал её ценности. Хранил как вещь, которую когда-то велели не выбрасывать.

Жеглов закурил.

- Значит... Кто-то очень давно поручил ему сохранить эту книжку. И этот человек был уверен, что однажды она снова понадобится.

За окном начинало темнеть.

Плейшнер долго смотрел на старый переплёт. Потом тихо произнёс:

- Иногда самая опасная тайна помещается в записной книжке размером с ладонь. И именно поэтому её берегут десятилетиями.

Глава 16: Цена молчания

Утро на Петровке выдалось пасмурным. Жеглов сидел за столом, молча просматривая материалы дела. Шарапов раскладывал протоколы допросов. Плейшнер, как обычно, стоял у окна.

Первым нарушил молчание Жеглов.

- Знаешь, Володя... Не люблю я такие дела.

- Почему?

- Потому что всё слишком гладко.

Шарапов поднял голову.

- Разве плохо?

- Плохо. Когда всё складывается слишком легко, значит, кто-то уже успел поработать до нас.

Плейшнер повернулся.

- Я думаю так же.

Жеглов взял со стола опись изъятых имуществ.

- Вот смотри.

Он протянул лист Шарапову.

Тот внимательно прочитал. Потом нахмурился.

- "Папка картонная без надписей. Содержимое отсутствует..." Странная запись.

Плейшнер подошёл ближе.

- Очень странная.

Жеглов медленно закурил.

- Оружие нашли. Деньги нашли. Золото нашли. А папку нашли пустой. Почему?

Никто не ответил.

Через несколько секунд Плейшнер негромко сказал:

- Потому что бумаги были дороже золота.

Жеглов усмехнулся.

- Опять документы?

- Именно. Во время войны мне не раз приходилось видеть, как люди рисковали жизнью не ради драгоценностей. Ради одного листа бумаги. Потому что иногда одна подпись стоит дороже сейфа с золотом.

Шарапов задумчиво провёл рукой по подбородку.

- Значит, кто-то пришёл за документами раньше нас.

- Или, - спокойно сказал Плейшнер, - вообще не позволил им попасть в руки Карпа.

Жеглов перестал улыбаться. Эта мысль ему явно не понравилась.

- Хочешь сказать, Карп мог быть всего лишь исполнителем?

Плейшнер ответил не сразу.

- Пока это только предположение. Но слишком многое указывает именно на это.

Жеглов встал. Подошёл к окну. Долго смотрел на мокрую мостовую. Потом тихо сказал:

- Всю жизнь ловлю бандитов. А теперь начинаю понимать, что иногда главарь никогда не держит в руках ни ножа, ни пистолета. Он просто заставляет других делать грязную работу.

Плейшнер кивнул.

- Такие люди самые опасные.

Шарапов закрыл папку.

- Что будем делать дальше?

Жеглов обернулся.

- Продолжать. Только теперь искать не банду.

А человека, который сумел остаться в стороне.

Плейшнер посмотрел на обоих.

- И ещё... Не говорите никому о пустой папке.

Шарапов удивился.

- Почему?

- Потому что если документы действительно кому-то нужны, значит, этот человек внимательно следит за тем, что нам уже известно.

Жеглов коротко кивнул.

- Согласен. Пусть думает, что мы пока ничего не поняли.

На столе зазвонил телефон. Жеглов снял трубку. Выслушал несколько фраз.

Медленно положил её обратно.

- Только что сообщили... Нашли человека, который видел Инженера уже после войны.

Плейшнер и Шарапов одновременно подняли головы.

- Где?

- В Марьиной Роще.

Жеглов взял фуражку.

- Поехали. Кажется, он впервые начинает обретать лицо.

Глава 17: Каморка Петра Ручечника

Машина медленно свернула в знакомый переулок Марьиной Рощи. Плейшнер первым вышел на мостовую. Он долго смотрел на старые дома. Время будто остановилось. Покосившиеся заборы. Деревянные сараи. Палисадники. Даже запах сырой земли казался прежним.

Жеглов подошёл к нему.

- Узнаёшь?

Плейшнер едва заметно улыбнулся.

- Такое не забывается.

Они прошли во двор.

У самого угла дома виднелась узкая лестница, уходившая в подвал. Плейшнер остановился.

- Здесь.

Шарапов посмотрел вниз.

- Здесь ты жил?

- Да.

Он медленно спустился по ступенькам. Дверь давно рассохлась. Петли покрылись ржавчиной. Плейшнер осторожно толкнул её. Каморка оказалась пустой. Лишь старый стол стоял у стены. Да в углу притулилась покосившаяся табуретка. Плейшнер провёл рукой по столешнице. На пальцах остался слой пыли.

- Именно здесь по ночам я выстраивал хитроумные схемы финансовых потоков Чёрной кошки.

Жеглов внимательно осмотрел тесное помещение.

- А днём?

Плейшнер улыбнулся.

- Днём для всей Марьиной Рощи я был Петькой Ручечником. Чинил авторучки. Разговаривал с людьми. Слушал. Запоминал. Иногда казалось, что весь район приходит ко мне не ручки ремонтировать, а поговорить.

Шарапов медленно провёл рукой по старому столу.

- А ночью...

- Ночью начиналась настоящая работа.

Плейшнер словно вновь увидел перед собой ту комнату. Керосиновая лампа. Листы бумаги. Карандаш. На одном листе появлялись фамилии. На другом - адреса. На третьем - суммы денег. Постепенно между ними возникали линии. Одни исчезали. Другие становились всё прочнее.

- Тогда я ещё не знал, кто стоит над Карпом, - тихо сказал он. - Но уже понимал, что деньги исчезают не случайно. Кто-то направлял их так умело, что следы почти невозможно было найти.

Жеглов кивнул.

- Значит, Инженер...

- Возможно, - ответил Плейшнер. - Или человек, который позже станет известен под этим именем.

Наступила тишина.

Вдруг снаружи послышались шаги. В дверях появился пожилой мужчина. Он долго всматривался в Плейшнера. Потом неуверенно произнёс:

- Петька?..

Плейшнер обернулся.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Потом профессор улыбнулся.

- Здравствуй, Степаныч.

Старик всплеснул руками.

- Живой... А ведь говорили, что ты пропал.

Плейшнер крепко пожал ему руку.

- Судьба распорядилась иначе.

Степаныч покачал головой.

- Хорошее было время... Тяжёлое, но честное.

Ты здесь многим помог.

Жеглов внимательно наблюдал за разговором. Он понимал, что уважение таких людей невозможно заслужить случайно.

После недолгой беседы Плейшнер спросил:

- Степаныч, после войны здесь не появлялся человек в хорошем пальто? Спокойный. Не местный.

Старик задумался.

- Был один. Высокий. Аккуратный.

Разговаривал вежливо. Про Карпа расспрашивал. Про Фокса. Я ещё тогда подумал - не похож он на нашего.

- Имя называл?

- Нет. Сказал только, что ищет старых знакомых.

Плейшнер переглянулся с Жегловым.

Шарапов сразу достал блокнот.

- Когда это было?

- Осенью сорок шестого... Или весной сорок седьмого. Точно уже не скажу.

- Долго пробыл?

- Минут десять. Походил по двору. Постоял возле этой двери.

Степаныч указал на каморку.

- Даже внутрь заглянул. Словно искал что-то. Потом ушёл. И больше я его не видел.

Жеглов задумчиво посмотрел на Плейшнера.

- Значит, он знал об этой каморке.

- Или догадывался, что именно здесь могла остаться какая-нибудь ниточка, - ответил профессор.

Он ещё раз оглядел маленькое подвальное помещение. Когда-то отсюда начиналась дорога к Чёрной кошке. Теперь, спустя годы, именно сюда вновь привело расследование.

Плейшнер тихо произнёс:

- Иногда прошлое не исчезает. Оно просто терпеливо ждёт, пока кто-нибудь вернётся за ним.

Глава 18: Карп начинает говорить

Карпа Горбатого ввели в кабинет без наручников. Он вошёл неторопливо. Окинул взглядом Жеглова. Шарапова. Плейшнера.

Усмехнулся.

- Вся честная компания в сборе.

Жеглов не ответил. Он молча положил перед собой папку.

- Садись.

Карп сел. Закинул ногу на ногу.

- Ну? Опять уговаривать будете?

- Нет, - спокойно ответил Жеглов. - Сегодня разговаривать будем.

Карп рассмеялся.

- А до этого что было?

Жеглов пропустил насмешку мимо ушей.

- Скажи мне одну вещь. Ты когда-нибудь видел человека, которого называли Инженером?

Карп на мгновение замер. Но тут же пожал плечами.

- Первый раз слышу.

Плейшнер внимательно следил за выражением его лица. Он заметил короткую паузу. Совсем короткую. Но она была.

Жеглов тоже это увидел.

- Не спеши отвечать. Подумай.

Карп лениво посмотрел на потолок.

- Подумал. Не знаю такого.

Жеглов кивнул.

- Хорошо. Тогда поговорим о другом.

Он достал несколько листов.

- Вот здесь записаны суммы после ваших налётов.

Карп бросил беглый взгляд.

- И что?

- А то, что арифметика не сходится. После каждого дела исчезает часть денег.

Карп промолчал.

Жеглов продолжил:

- Ни у тебя. Ни у Фокса. Ни у Промокашки. Ни у Жжёного этих денег не нашли. Куда они девались?

Карп усмехнулся.

- Может, плохо искали.

- Искали хорошо. Очень хорошо.

Карп пожал плечами.

- Значит, не повезло.

До этого молчавший Плейшнер впервые заговорил. Голос его звучал спокойно. Почти по-дружески.

- Ты ведь неглупый человек, Карп. И прекрасно понимаешь, что я говорю не о деньгах.

Карп внимательно посмотрел на профессора.

- А о чём?

- О том, что проходило вместе с ними.

На этот раз молчание затянулось.

Плейшнер продолжил:

- За последние годы через уголовную среду проходили не только деньги. Попадались немецкие документы. Военные карты. Ключи. Папки. Отдельные архивные материалы. Иногда люди сами не понимали, что держат в руках. Для них это была просто бумага. А для кого-то - настоящая ценность.

Карп отвёл взгляд. Жеглов заметил это сразу.

- Значит, всё-таки слышал.

Карп медленно покачал головой.

- Слышать... Слышал. Видеть... Не видел.

Жеглов и Шарапов переглянулись. Это было первое признание.

Плейшнер сделал ещё один шаг.

- Эти бумаги никогда не оставались у вас. Их кто-то забирал.

Карп долго смотрел на стол. Потом тихо произнёс:

- Мы вопросов не задавали.

Жеглов резко подался вперёд.

- Кто забирал?

Карп поднял глаза.

- Не знаю. Честное слово. Приходил человек. Иногда сам. Иногда через других. Забирал свёрток. Оставлял деньги. И уходил.

- Имя?

- Не называл.

- Лицо запомнил?

Карп криво усмехнулся.

- Такие люди делают всё, чтобы их не запоминали.

Плейшнер задумчиво произнёс:

- Значит, ты был уверен, что связываться с ним не стоит.

Карп впервые за весь разговор перестал улыбаться.

- Был. Потому что однажды один дурак решил узнать лишнее.

Жеглов насторожился.

- И что с ним стало?

Карп спокойно ответил:

- Через неделю его нашли в Яузе.

После этих слов в кабинете стало тихо.

Жеглов медленно закрыл папку. Он понял, что расследование только начинается.

А "Чёрная кошка" была всего лишь одной из нитей, ведущих к куда более опасному противнику.

Глава 19: Нити сходятся

После допроса Карпа никто не спешил расходиться. Жеглов закрыл дверь кабинета. Закурил. Несколько минут молчал.

Потом посмотрел на Плейшнера.

- Ну?

Профессор снял очки. Медленно протёр стёкла.

- Теперь картина становится понятнее.

- Мне пока не очень, - признался Шарапов.

Плейшнер подошёл к карте Москвы. Взял карандаш.

- Когда я работал в Марьиной Роще под именем Петра Ручечника, меня интересовали не только уголовники.

Жеглов внимательно слушал.

- Я заметил одну странную закономерность. После войны среди скупщиков, перекупщиков и случайных посредников время от времени появлялись люди, которых не интересовали ни золото, ни драгоценности. Они искали совсем другое.

- Что именно? - спросил Шарапов.

- Немецкие карты. Полевые документы. Архивные папки. Личные дневники офицеров. Любые бумаги, которые могли уцелеть после войны.

Жеглов нахмурился.

- Зачем?

- Тогда я не понимал. Думал, это обычные коллекционеры или бывшие военные. Но таких случаев становилось всё больше.

Плейшнер сделал на карте несколько отметок.

- Вот здесь. И здесь. И ещё здесь. Во всех этих местах неожиданно всплывали немецкие документы.

Шарапов подошёл ближе.

- Все точки находятся рядом с железной дорогой...

Плейшнер одобрительно кивнул.

- Именно. Я тоже обратил на это внимание ещё тогда.

Жеглов внимательно посмотрел на карту.

- Хочешь сказать, бумаги перевозили по железной дороге?

- Скорее всего. И не только бумаги. Возможно, содержимое небольших немецких схронов. То, что можно было вывезти незаметно.

Жеглов задумался.

- Но кто этим занимался?

Плейшнер спокойно ответил:

- Пока не знаю. Но это были люди, которые умели ждать. Годами.

Шарапов задумчиво провёл карандашом по одной из линий.

- Получается... Чёрная кошка могла даже не понимать, что именно перевозит.

- Совершенно верно, - сказал Плейшнер. - Для уголовников это была очередная работа. Заплатили - перевезли. Никто не задавал лишних вопросов.

Жеглов медленно прошёлся по кабинету.

- Тогда Карп сказал правду. Он действительно мог не знать, на кого работает.

- Именно это меня и тревожит, - ответил профессор.

На столе зазвонил телефон. Жеглов снял трубку.

- Слушаю.

Он выслушал доклад. Лицо его стало серьёзным.

- Когда?

- ...

- Понял. Сейчас будем. Он положил трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.